

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'25-115

ББК Ш141.2-02

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

М. Л. Алексеева

M. L. Alekseyeva

Екатеринбург, Россия

Ekaterinburg, Russia

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПОЯСНЕНИЯ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРЕ

DIACHRONIC STUDY OF TRANSLATOR'S EXPLANATIONS

Аннотация. Переводческие пояснения рассматриваются как один из типов вспомогательного текста. Анализируется его специфика и виды. Прослеживаются диахронические изменения объема, формы и содержания пояснений при передаче реалий общественно-политического уклада России XIX в. в немецких переводах конца XIX в., начала, середины, конца XX в. и начала XXI в.

Abstract. Translator's explanations are considered in this paper as a type of auxiliary text. Its specificity and types are analyzed. Based on German translations of the late 19th century through the early 21st century, diachronic changes in volume, form and content of explanations are traced in the context of translation of the realia denoting the socio-political system in Russia of the XIX century.

Ключевые слова: перевод; переводческие пояснения; реалии; государственное устройство России XIX в.; диахрония.

Key words: translation; translator's explanations; realia; the socio-political system in Russia of the 19th century; diachronic study.

Сведения об авторе: Алексеева Мария Леонардовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии.

About the author: Alekseyeva Maria Leonardovna, Candidate of Philology, Assistant Professor.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 464.
e-mail: maria.alekseyeva@gmail.com.

Переводческие пояснения сравнительно недавно стали объектом изучения [Брагинская 2003; Ксенофонтов 2005; O'Sullivan 2005; Евсеева 2007; Новикова 2009; Laimantas 2010]. Пояснения можно рассматривать как переводческий прием или как особый тип текста. В данной статье мы, придерживаясь второго подхода, проанализируем их объем, форму и содержание на материале русских реалий в разновременных немецких переводах.

Наряду с предисловием, послесловием и вступительной статьей переводческие пояснения являются одним из видов вспомогательного текста, в котором переводчик выступает в качестве автора.

Выражение «переводческие пояснения» не является термином в строгом смысле слова, но нашло широкое применение в научных дискуссиях по переводу и обрело статус научного наименования. Оно используется для обозначения любых дополнительных внутритекстовых и внетекстовых сведений в переводном тексте, автором которых является переводчик. Вследствие расхождений в трактовке понятий необходимо разграничить несколько близких терминов: пояснение, примечание, комментарий и сноски.

Пояснение — это разъяснение с целью сделать отдельное слово или фрагмент текста более понятным. В толковых словарях русского языка этот термин толкуется через глагол *пояснить*: «действие по глаголу пояснить», «пояснить — значит делать что-то более ясным,

объяснить, истолковать. Поясняющее замечание, объяснение» [Ожегов, Шведова 1999; Ушаков 2005, Кузнецов 1998; Ефремова 2006]. Переводческие пояснения могут быть включены в сам текст или вынесены за его пределы, могут содержать дополнительные сведения различного характера, в том числе справки, толкования, оценочные характеристики. Рассмотрим разновидности внетекстовых пояснений.

Примечание, согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, — «дополнительная заметка, объяснение к тексту» [Ожегов, Шведова 1999]. А. Э. Мильчин трактует примечания как «элемент аппарата издания, сравнительно краткие дополнения к основному тексту или пояснения небольших фрагментов его, носящие характер справки и, как правило, не содержащие, в отличие от комментариев, толкования этих фрагментов. Пояснения в примечаниях не должны, однако, носить безотносительный к основному тексту характер общеэнциклопедической справки, а пояснять фрагмент применительно к его контексту» [Мильчин 2006]. Таким образом, при создании *переводческого примечания* переводчик предлагает иноязычному читателю обработанный им аналитический материал или фактическую информацию из какого-либо словаря, специального справочника или энциклопедии, вынесенную за пределы переведенного текста и дополняющую его.

Комментарий во всех упомянутых выше толковых словарях определяется через приме-

чение, причем примечание оценочного характера. Например: «...разъяснительные примечания к к.-н. тексту. Рассуждения, пояснительные и критические замечания о чем-л.» [Ожегов, Шведова 1999]. Более подробно этот термин раскрывается в специальном словаре-справочнике: «Комментарии — часть аппарата издания, в которой дается широкое толкование текста произведения в целом со стороны историколит., историко-текстологической, издательской либо отд. его фрагментов, когда необходимо помочь читателю понять текст во всем объеме и со всей глубиной, скрытой от обычного взгляда и требующей доп. знаний эпохи, ист. и лит. событий, литературы того времени» [Мильчин 2006]. Следовательно, термин «примечание» является более общим, а комментарий — один из видов примечаний интерпретационного характера, вынесенный за пределы текста или в отдельное издание. Переводческий комментарий представляет собой аналитическое толкование, пропущенное сквозь призму другой культуры, позволяющее иноязычному читателю глубже понять оригинальное произведение в широком культурно-историческом контексте: «Комментарий — это перевод, перевод чужой культуры на язык наших мыслей и чувств» [Гаспаров 2004: 72].

Термин **«сноска»** не находит значительных расхождений в понимании. *Сноской* называют «текст, помещенный снизу страницы, под чертой, отделяющей его от основного текста, подстрочное замечание» [Ушаков 2005: 955]. В специальном словаре-справочнике подчеркивается связь сноски с основным текстом посредством звездочки или цифры: «Сноска — помещаемые внизу полосы примечание, библиогр. ссылка, перевод иноязычного текста, связанные с осн. текстом знаком» [Мильчин 2006], — и отличие от затекстовых комментариев: «...подстрочное примечание предпочтительнее затекстового, когда необходимо по ходу чтения и желательно, чтобы читатель не пропустил его, вероятность чего выше у затекстового примечания; когда является переводом слов на иностр. языке внутри осн. текста, т. е. по сути является осн. текстом в переводе; когда примечание принадлежит автору текста классического произведения или произведения писателя прошлых эпох, поскольку такие примечания тесно примыкают к осн. тексту и не должны быть пропущены читателем» [Там же]. В переводах сноски принимают форму кратких постраничных примечаний.

Итак, наиболее широким по значению является термин «переводческие пояснения». К его внетекстовым разновидностям относятся постраничные сноски, затекстовые примечания и комментарии. Комментарии, как разъяснительные примечания оценочного характера, вынесены за основной текст перевода вместе с примечаниями либо отдельно от них, а также могут быть опубликованы в отдельном издании. Комментарии нацелены на компенсацию уникаль-

ных культурных сведений, ориентированных на современного читателя, представителя иной культурной и языковой традиции. Как отметила Т. А. Казакова, это «знак, объединяющий информационные свойства двух культур, языков, менталитетов» [Казакова 2006: 136]. Он «имеет системный характер, проявляющийся в иерархичности и повторяемости структуры и функций, и одно специфичное свойство — способность вскрывать ненаблюдаемую сторону переводческого процесса: характер когнитивных и коммуникативно-прагматических структур» [Там же].

Данные характеристики легли в основу структурно-функциональной типологии переводческих пояснений, насчитывающей пять типов («комментариев» в терминологии автора).

Тип 1. Словарные, по форме и содержанию совпадающие со статьей двуязычного словаря.

Тип 2. Сопоставительные, включающие сопоставление языковых или культурно-содержательных свойств исходного и переводного знаков.

Тип 3. Дополняющие, содержащие информацию, побочную по отношению к переводимому знаку; условно делятся на относительно объективные и относительно субъективные.

Тип 4. Пояснительные, поясняющие характер контекста в связи с употреблением в нем сложного для перевода знака: цитат, сложных стилистических единиц, игры слов, аллюзий и т. п.

Тип 5. Нулевые, т. е. полностью отсутствующие, хотя в них есть необходимость [подробнее см.: Казакова 2006: 136].

Несколько позже появилось исследование Т. В. Евсеевой, в котором составлена классификация переводческих пояснений, основанная на интенциях переводчика:

Тип 1. Собственно «переводческие», содержащие минимум фоновых знаний, — недостающую информацию справочного характера, позволяющую раскрыть неявные смыслы в конкретном контексте.

Тип 2. Пояснения просветительского характера, нацеленные на расширение кругозора читателя текста перевода, в соответствии с чем включают дополнительную информацию (сведения о творчестве автора, истории произведения, событиях, оказавших влияние на его создание), как правило, избыточную.

Тип 3. Пояснения идеологического характера, также содержащие «избыточную информацию, возможно, не всегда необходимую, адекватность которой определяется субъективными параметрами личностного мировидения переводчика», причем «интенции переводчика резко отличаются от интенций автора оригинала, даже при совпадении их идеологических воззрений»; такой комментарий «направлен на создание единственно возможной трактовки текста согласно господствующей идеологии и представляет собой особое предписание идеологически заданного восприятия» [Евсеева 2007: 19].

Т. В. Евсеева в охарактеризованном исследовании тоже использует термин «комментарий», хотя, по нашему мнению, только последний тип переводческих пояснений относится к комментариям. Первые два являются примечаниями и совпадают соответственно с первым и третьим типом классификации Т. А. Казаковой. Классификация Т. В. Евсеевой, как и разобранная ранее, учитывает содержательные параметры, в ней игнорируются расположение, форма и объем. При анализе переводческих пояснений следует включать все указанные выше параметрические критерии:

1. Расположение: внутритекстовые и внетекстовые (постраничные сноски, затекстовые примечания или комментарии).

2. Форма: вербальные и графические (цифры, рисунки, схемы, фотографии).

3. Объем: краткие и развернутые.

4. Содержание с учетом структуры и функции (типология Т. А. Казаковой):

4.1) словарные;

4.2) сопоставительные;

4.3) дополняющие (относительно объективные и относительно субъективные);

4.4) пояснительные;

4.5) нулевые.

Вопрос принципов составления переводческих пояснений пока не получил подробного рассмотрения в литературе по теории перевода. В настоящее время нигде не описаны требования к их объему, форме и содержанию, возможности и границы выражения интенции переводчика с учетом вида перевода и типа текста. Поэтому целесообразно обратиться к опыту комментирования в переводах классиков мировой литературы, выполненных профессиональными переводчиками. Это позволит путем анализа большого количества решений выявить общие закономерности составления пояснений, представить сложившиеся в переводческой практике традиции и наметить актуальные тенденции в решении указанной проблемы. В данной статье мы сосредоточимся на анализе передачи реалий^[1] общественно-политического устройства России XIX в. в 30 немецких переводах конца XIX в., начала, середины, конца XX в. и начала XXI в. Мы также будем опираться на данные нашего более раннего исследования, посвященного изучению приемов передачи русских реалий в 20 переводах романов Ф. М. Достоевского XX—XXI вв. на немецкий язык [Алексеева 2010а].

Общественно-политические реалии являются одним из центров максимальной концентрации национально окрашенной лексики, отражающей особенности жизни носителей какого-либо языка: «Если в названиях географических объектов, флоры и фауны отражаются особенности природно-географической среды, в которой живет народ — носитель языка, то в названиях учреждений, органов власти, различных государственных и общественных орга-

низаций запечатлены особенности государственно-политического строя страны, социально-политическая структура общества, обслуживаемого этим языком» [Томахин 1988: 111]. Эти единицы характеризуются высокой частотностью во всех романах Ф. М. Достоевского, чем обуславливается наличие большого количества вариантов перевода.

Следует отметить, что данная группа реалий неоднородна. Она содержит несколько подгрупп: административно-территориальные, военные и реалии государственного устройства.

Административно-территориальные реалии включают названия административно-территориальных единиц и объединений, например: *генерал-губернаторство, губерния, уезд, волость*; населенных пунктов: *скит, слобода, слободка, село, сельцо, хутор*; земельных владений: *усадебя, поместье*.

К реалиям государственного устройства относятся наименования лиц по сословному положению: *однодворец*; названия политических и общественных организаций и их представителей: *западник, прогрессист, народник, крепостник, декабрист, раскольник* и др. [подробнее см.: Алексеева 2010б: 83].

Реалии, относящиеся к военной сфере деятельности, отсылают читателя к воинским чинам и званиям, командным должностям, частям и подразделениям императорской армии, военным учебным заведениям, названиям оружия, орденов и знаков отличия в Российской империи конца XIX в. В нашем материале они составляют немногочисленную группу, включающую названия чинов, частей и подразделений, например: *денщик, штабс-капитан*; названия орудий удара: *казацкая нагайка, шашка*; наименования учебных заведений: *юнкерское училище*.

Как показал сопоставительный анализ переводов, пояснению подвергаются только единицы последней подгруппы [подробнее см.: Алексеева 2010а: 198]. Проиллюстрируем специфику передачи единиц этой подгруппы на примере реалии *декабрист*, которая в разных по времени переводах снабжается пояснениями и в постраничных сносках, и в затекстовых комментариях.

(1) *Рассказывали, например, про декабриста Л-на, что он всю жизнь нарочно искал опасности, упивался ощущением ее, обратил ее в потребность своей природы* [Достоевский. Бесы 2004: 208].

(1.1) *Von dem **Dezemberverschwörer** L-n erzählt man z. B., daß er fein lebelang die Gefahr aufgesucht, an ihrem Gefühl sich berauscht und es zu einem Bedürfnis seiner Natur gemacht* [Dostoevski 1888: 163].

(1.2) *Man erzählte zum Beispiel von dem **Dekabristen** L***n, er habe sein ganzes Leben lang die Gefahr absichtlich aufgesucht, sich an dem Gefühl der Gefahr berauscht und dieses Gefühl zu einem Bedürfnis seiner Natur gemacht* [Dostoevski 1906: 269].

(1.3) *So erzählt man zum Beispiel von dem Dekabristen L-n, er habe immer und mit Absicht die Gefahr aufgesucht, habe sich an dem Gefühl der Gefahr berauscht und sie zu einem Lebensbedürfnis seiner Natur gemacht* [Dostoevski 1921: 278].

Примечание: *Der plötzliche Tod Alexanders I. am 1. Dezember 1825 in Taganrog (am Asowschen Meer) und die Ungewißheit über seinen Nachfolger (Konstantin oder Nikolaus) verleitete einen Teil Geheimbündler unter den Gardeoffizieren und Vertretern der geistigen Elite Rußlands am 14. Dezember zu einem verfrühten Aufstand gegen die zaristische Alleinherrschaft. Nach dem Monat Dekabr verblieb ihnen die Bezeichnung Dekabristen. Dieser Adelsputsch wurde von Nikolaus I. sofort niedergeschlagen und es folgten unzählige Verhaftungen. Unter den 121 Angeklagten befanden sich sieben Fürsten, zwei Grafen, drei Barone, zwei Generäle, dreiundzwanzig Obersten. Die fünf Hauptschuldigen wurden am 14. Juli 1826 gehängt, dreiunddreißig zu lebenslänglicher Zwangsarbeit in sibirischen Bergwerken verurteilt, andere zu befristeter Zwangsarbeit, Deportation nach Sibirien, Vermögenskonfiskation, Verlust des Adelstrangs, Degradation, Verbannung* [Dostoevski 1921: 1003].

(1.4) *Man erzählte zum Beispiel von dem Dekabristen L-n*, er habe zeit seines Lebens absichtlich die Gefahr gesucht, sich an dem Gefühl der Gefahr berauscht und dieses Gefühl zu einem Bedürfnis seiner Natur gemacht* [Dostoevski 1961: 233].

Сноска: *Die Dekabristen (abgeleitet von dekabrj = Dezember) waren russische Offiziere, die an der Militärrevolte im Dezember 1825 teilnahmen.*

(1.5) *Beispielweise erzählte man sich von Dekabristen L., er habe sein Leben lang absichtlich die Gefahr gesucht, sich berauscht am Gefühl der Gefahr und es zum Bedürfnis seiner Natur gemacht* [Dostoevski 1985: 267].

Примечание: *L. — Michail Sergejewitsch Lunin (1787—1885), Dekabrist; war bekannt als Draufgänger und kaltblütiger Duellant* [Dostoevski 1985: 604].

(1.6) *Man erzählt zum Beispiel von dem Dekabristen L-n*, daß er sein Leben lang mit Bedacht Gefahren aufgesucht, an dem Gefühl der Bedrohung sich berauscht und dieses Gefühl in ein natürliches Bedürfnis verwandelt habe* [Dostoevski 1998: 268].

Примечание: *Dekabrist L-n.: M.S. Lunin (1767—1845), berüchtigter Duellant und kaltblütiger Abenteurer, wegen der Teilnahme am Dekabristen-Aufstand nach Sibirien verbannt* [Dostoevski 1998: 941].

В ранних переводах конца XIX в. и начала XX в. переводчики не снабжают реалии пояснениями, полагаясь на фоновые знания читателей-современников. Начиная с 20-х гг. XX в. используется комбинированный прием: транскрибирование и пояснение в затекстовых примечаниях или постраничных сносках.

Самым подробным и содержательным является пояснение Э. К. Разин (1921) в затекстовых примечаниях, что придает переводу высокую степень адекватности: «Внезапная смерть Александра I 1 декабря 1825 г. в Таганроге (на Азовском море) и неопределенность с его наследником (Константин или Николай) склонили часть тайных заговорщиков из гвардейских офицеров и представителей российской интеллигенции к преждевременному мятежу против царского самодержавия 14 декабря. По названию месяца участников восстания назвали декабристами. „Дворянский путч“ был мгновенно подавлен Николаем, затем последовали многочисленные аресты. Среди 121 обвиняемого было 7 князей, 2 графа, 3 барона, 2 генерала, 23 полковника. Пятеро главных обвиняемых были казнены через повешение 14 июля 1826 г., 33 участников приговорили к пожизненной каторге на рудниках в Сибири, остальных — к временным каторжным работам, ссылке в Сибирь, конфискации имущества, лишению дворянского титула и звания, изгнанию» (пер. здесь и далее наш — М. А.). Это достаточно объемный, относительно объективный дополняющий комментарий, раскрывающий содержание русской реалии, этимологию слова и предлагающий экскурс в соответствующее время и культуру.

М. Кегель в переводе 1961 г. выносит в сноску краткий комментарий исторического и этимологического характера, что не позволяет привести такую подробную информацию, как в примечаниях после текста: «декабристами (от „декабрь“ = Dezember) называют русских офицеров, принимавших участие в военном мятеже в декабре 1925 года». Однако М. Кегель несколько сужает значение русской реалии, опуская ядерный компонент значения («дворянское восстание»), поскольку участниками восстания были не только военные, что несколько снижает адекватность перевода данной реалии.

В современных переводах Г. Далитц и С. Гайер используют словарные пояснения в послетекстовых примечаниях: «Л. — Михаил Сергеевич Лунин (1787—1885), декабрист; был известен как сорвиголова и хладнокровный дуэлянт» [Dostoevski 1985: 604] и «М. С. Лунин (1767—1845), известный дуэлянт и хладнокровный авантюрист, сосланный в Сибирь из-за участия в восстании декабристов» [Dostoevski 1998: 941]. Эти примечания относятся к относительно объективному просветительскому типу по классификации Т. А. Казаковой. Однако пояснениями снабжается не реалия, а имя собственное (имя одного из декабристов), содержание русской реалии остается нераскрытым. В данном случае имеет место нулевой комментарий реалии — отсутствующий, когда в нем есть необходимость, в то время как другой знак (оним), в меньшей степени нуждающийся в пояснении, получает его, что, по нашему мнению, осложняет восприятие смысла текста в целом.

Сейчас переводчики располагают разнообразными материалами исследований творчества писателя, его оценки различных общественных движений и тайных обществ, декабристов, в том числе общения с ними и их женами, деятельности всех участников восстания, что позволяет составить точные пояснения национально-специфичной лексики.

Если обратиться к более широкому контексту оригинального произведения (в данном случае равном одному абзацу), необходимость пояснения указанного знака для иноязычного читателя проявляется еще ярче, поскольку в исходном тексте реалия несет дополнительную смысловую нагрузку — писатель сравнивает героя романа с декабристами, с самым стойким и одержимым из них: *Николая Всеволодовича я изучал все последнее время и, по особым обстоятельствам, знаю о нем теперь, когда пишу это, очень много фактов. Я, пожалуй, сравнил бы его с иными прошедшими господами, о которых уцелели теперь в нашем обществе некоторые легендарные воспоминания. Рассказывали, например, про декабриста Л-на, что он всю жизнь нарочно искал опасности, упивался ощущением ее, обратил его в потребность своей природы; в молодости выходил на дуэль ни за что; в Сибири с одним ножом ходил на медведя, любил встречаться в сибирских лесах с беглыми каторжниками, которые, замечу мимоходом, страшнее медведя. Сомнения нет, что эти легендарные господа способны были ощущать, и даже может быть в сильной степени, чувство страха, — иначе были бы гораздо спокойнее, и ощущение опасности не обратили бы в потребность своей природы. Но побеждать в себе трусость — вот что, разумеется, их прельщало. Бесперывное упоение победой и сознание, что нет над тобой победителя — вот что их увлекало. Этот Л-н еще прежде ссылки некоторое время боролся с голодом и тяжким трудом добывал себе хлеб, единственно из-за того, что ни за что не хотел подчиниться требованиям своего богатого отца, которые находил несправедливыми. Стало быть, многосторонне понимал борьбу; не с медведями только и не на одних дуэлях ценил в себе стойкость и силу характера [Достоевский. Бесы 2004: 208].*

Известна позиция писателя по отношению к декабристскому движению. Ф. М. Достоевский восстание декабристов считал бессмысленным бесовством, а его участников — бунтарями, хотя был знаком лично и дружен с некоторыми из них. У читателя должен быть выбор в понимании и оценивании реалий. Думается, пояснения нужны, причем для обоих знаков: и реалии, и онима. Если первый знак нуждается в развернутых историко-этимологических комментариях, то для второго достаточно краткой словарной справки.

Рассмотрим диахронические изменения в подходах переводчиков при пояснении пере-

водных знаков на примере различных вариантов передачи реалии *скопцы* в романе «Идиот».

(2) *Скопец, заседающий в лавке, нанимает вверху [Достоевский. Идиот 2004: 260].*

(2.1) *Im Erdgeschoß befindet sich gewöhnlich eine Wechselbank, die von einem in den oberen Stoßwerken wohnenden Skopzen* gehalten wird [Dostoevski 1889: 243].*

Сноска: *Die Skopzen, eine russische Sekte mit eigentümlichen Bräuchen.*

(2.2) *Im Erdgeschoß befindet sich gewöhnlich eine Wechselbank, und der Besitzer, ein Sektierer (in der Regel ist es einer von der Skopzen-sekte), hat seine Wohnung in einem der oberen Stockwerke [Dostoevski 1908: 395].*

(2.3) *Der Skopez*, der darin sitzt, pflegt in einem der oberen Stockwerke zur Miete zu wohnen [Dostoevski 1930: 259].*

Сноска: *Skopez — Angehöriger einer russischen Kastratensekte.*

(2.4) *Meistens befindet sich unten eine Wechselstube, und der darin sitzende Skopze* hat seine Wohnung oben [Dostoevski 1951: 377].*

Сноска: *Skopez — Verschnittener, Kastrat, Angehöriger einer russischen Sekte.*

(2.5) *Der Skopze*, der ihn betreibt, wohnt oben [Dostoevski 1986: 282].*

Примечание: *Skopze: (russ.) Verschnittener; Angehöriger einer Ende des 18. Jahrhunderts entstandenen Sekte. Die Skopzen sahen die einzige Möglichkeit zur Errettung ihrer Seele in der Bekämpfung des Fleisches, der Kastration. Die Zugehörigkeit zu dieser Sekte wurde mit Verbannung nach Sibirien bestraft.*

(2.6) *Der Skopez*, der in der Wechselstube sitzt, wohnt oben zur Miete [Dostoevski 1996: 296].*

Примечание: *Skopez: Skopzen (Verschnittene, Kastraten), eine religiöse Sekte, gegründet in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts von dem Bauern Kondratij Seliwanow, die durch Abtötung des Geschlechtstriebes das Seelenheil zu erlangen trachtete und vom Staat verboten wurde [Dostoevski 1996: 296].*

Согласно словарю Т. Ф. Ефремовой, *скопцы* — «члены религиозной секты, возникшей в Российском государстве в конце XIX века в результате отделения от хлыстов и проповедовавшей „спасение души“ в борьбе с плотью путем оскпления, отказа от мирской жизни» [Ефремова 2006]. Этот переводной знак нуждается в пояснении, поскольку данная русская реалия неоднократно упоминается в романе и необходима для понимания смысла текста.

В самом первом переводе этого романа А. Шольц (1889) использует краткие пояснения в сноске: «Скопцы — русская секта со странными обычаями». Сноска малоинформативна, поскольку не раскрывает содержание реалии. Э. К. Разин (1908) вводит пояснения в ткань текста с помощью скобок: «владелец, сектант (как правило, из секты скопцов)», что типично для ранних переводов, но как и в первом переводе, не способствует полному восприятию

фрагмента текста. Это позволяет приравнять пояснение, как и в первом переводе, к нулевому комментарию, существенно снижающему адекватность перевода.

Г. Ярхо и Р. Кадрия транскрибируют реалию и снабжают кратким пояснением словарного характера в постраничных сносках, что позволяет передать содержание русской реалии, сохранив форму и национальный колорит, и добиться адекватного перевода: «Скопец — член русской секты кастратов» [Dostoevski 1930: 259] и «Скопец — обрезанный, кастрат, член русской секты» [Dostoevski. 1951: 377].

В современных работах вводятся затекстовые пояснения. Оба переводчика используют дополняющие примечания: «Скопец (рус.) — обрезанный; член секты, возникшей в конце XVIII в. Единственную возможность спасения души видели в заморении плоти, кастрации. Принадлежность к этой секте наказывалась ссылкой в Сибирь» [Dostoevski 1986: 862]; «Скопцы (обрезанные, кастраты) — основанная во второй половине XVIII в. крестьянином Кондратием Селивановым религиозная секта, которая усматривала исцеление души в умерщвлении плоти и была запрещена государством» [Dostoevski 1996: 899]. Это достаточно объективные комментарии, сопровождающиеся прямым переводом, толкованием и небольшой справкой, обеспечивающей понимание текста в культурно-историческом контексте эпохи. Следует отметить, что затекстовые примечания располагаются по мере их появления в романе с указанием соответствующей страницы, но они не связаны с основным текстом каким-либо знаком. Читатели не знают, какие переводные знаки снабжаются пояснением, и могут пропустить дополнительные сведения.

Два небольших примера не позволяют проследить все закономерности техники перевода, однако демонстрируют историческую динамику переводческих пояснений. Сопоставительный анализ передачи русских общественно-политических реалий на материале параллельных немецких переводов романов Ф. М. Достоевского позволил выявить изменения по отдельным периодам:

- В ранних переводах (XIX в. и начала XX в.) реалии пояснялись редко. В этих случаях использовались комбинированные приемы на основе транслитерации или транскрипции и пояснения внутри текста, приводившиеся через запятую, реже — в сносках или примечаниях.

- Практически для всех переводов 50—60-х гг. XX в. характерны краткие пояснения в форме постраничных сносок.

- В 70 — 80-е гг. XX в. появляются затекстовые примечания, которые полностью вытесняют постраничные сноски.

- Начиная с 90-х гг. XX в. затекстовые пояснения содержатся практически во всех переводах, изменяется их объем и содержание, появляются рисунки, схемы, фотографии.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Переводческие пояснения — это неотъемлемая часть переводного текста и — шире — переводческого дискурса. Несомненна их целесообразность и актуальность для иностранного читателя, а также необходимость учета и дальнейшего исследования традиции их составления в диахронии — бесценного опыта многих поколений переводчиков. Перспективным представляется изучение специфики переводческих пояснений в зависимости от объекта перевода, временного среза, языковой пары, типа текста, национальной традиции перевода, когнитивной и прагматической компетенции переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева М. Л. Реалии государственного строительства России XIX века в немецких переводах // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 81—87.

Алексеева М. Л. Перевод реалий и реалии перевода: особенности передачи русских реалий в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.

Кузнецов С. А. [сост. и гл. ред.]. Большой толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 1998.

Гаспаров М. Л. Ю. М. Лотман и проблемы комментирования // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 70—74.

Евсеева Т. В. Переводной художественный текст с комментарием: структурные, когнитивные и функционально-прагматические особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2007.

Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. — СПб.: Союз, 2001.

Ксенофонтов А. Комментарий о комментарии // Новое литературное обозрение. 2005. № 6. С. 368—375.

Мильчин А. Э. Издательский словарь-справочник. — М.: ОЛМА-Пресс, 2006.

Новикова Ю. В. Переводческий комментарий как один из способов прагматической адаптации повести «Собачье сердце» М. А. Бургакова // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. 2009. С. 255—164.

Ефремова Т. Ф. [сост. и гл. ред.]. Современный толковый словарь русского языка. — М.: АСТ, 2006.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. [сост.]. Толковый словарь русского языка. — М.: Азбуковник, 2000.

Ушаков Д. Н. [сост.]. Толковый словарь русского языка. — М.: Альфа-Пресс, 2005.

Томахин Г. Д. Реалии через американизмы. — М.: Высш. шк., 1988.

Laimantas Jonusys. Išnašos ir komentarai grožinės literatūros vertimuose. URL: <http://www.llvs.lt/?recensions=647> (дата обращения: 10.10.2011).

O'Sullivan E. Comparative children's literature. — L.: Routledge, 2005.

ИСТОЧНИКИ

Достоевский Ф. М. Бесы: роман. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

Dostoevskij F. Die Besessenen / Übers. H. Putze. — Dresden : Minden, 1888.

Dostojewski F. Dämonen / Übers. E. K. Rahsin. — München : Piper, 1906 ; 5. Aufl. — München : Piper, 1999.

Dostojewski F. Dämonen / Übers. H. Röhl. — Leipzig : Insel, 1921 ; Leipzig : Insel Taschenbuch, 1986.

Dostojewskij F. Dämonen / Übers. M. Kegel. — München : Winkler, 1961; 14. Aufl. — München : Deutscher Taschenbuch Verl., 2003.

Dostojewski F. Dämonen / Übers. G. Dalitz. — Berlin : Aufbau, 1985.

Dostojewskij, F. Böse Geister / Übers. S. Geier. — Zürich : Ammann, 1998 ; 3. Aufl. — FaM : Fischer Taschenbuch Verl., 2003.

Достоевский Ф. М. Идиот : роман. — М. : Эксмо, 2004.

Dostojewski F. Idiot / Übers. von A. Scholz. — Berlin : Bruno und Paul Cassirer, 1889.

Dostojewski F. Idiot / Übers. von E.K. Rahsin. — München : Piper, 1908 ; München : Piper, 1920.

Dostojewski F. Idiot / Übers. von G. Jarcho. — Berlin : Deutsche Buchgemeinschaft, 1930.

Dostojewski F. Idiot / Übers. von R. Cadreia. — Zürich : Manesse, 1951.

Dostojewski F. Idiot / Übers. von H. Herboth. — Berlin ; Weimar : Aufbau, 1986.

Dostojewskij F. Idiot / Übers. von S. Geier. — FaM : Fischer Taschenbuch, 1996.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Многочисленные публикации, освещающие особенности передачи реалий, предлагают разные, порой противоречивые выводы даже для одной пары языков и типа текста. Причиной этого, как нам представляется, является различное толкование термина «реалия». В теории перевода к этой группе лексики относятся нарицательные имена существительные, именующие уникальные национально-специфичные предметы и явления, а также номинативные словосочетания, семантически равные слову, например: *избушка на курьих ножках, премудрый змий, ждановская жидкость, взвар с медом, белые ити, монастырский мед*. Ономастическая лексика, фразеологизмы, поговорки не относятся к реалиям. Это отдельные самостоятельные единицы перевода, обладающие своими признаками и приемами передачи на иностранный язык. «Чистые» реалии (термин В. С. Виноградова) немногочисленны. Чтобы отобрать достаточное количество единиц для исследования, необходим большой объем материала. Так, например, для выделения немногим более 200 разных русских реалий автору данной публикации понадобилось проанализировать 3 500 страниц русского текста [Алексеева 2010а]. Видимо по этой причине в переводческих исследованиях используется более широкая трактовка данного понятия, принятая в смежных лингвистических дисциплинах (со включением, например, имен собственных, окказионализмов или прецедентных феноменов), а выводы излагаются относительно техники и качества перевода реалий.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Э. В. Будаев